

цифровых данных и широкое внедрение методов количественного анализа в исторические исследования — знамение времени. Одно из достоинств книги как раз в том и состоит, что авторы привлекли и тщательно проанализировали огромный цифровой материал. Вместе с тем, такой материал (особенно в таблицах), конечно, требует точной интерпретации. В таблице 1 (стр. 83), посвященной ходу коллективизации в СССР, указано, что 98% крестьянских дворов в Молдавской ССР в 1940 г. вошли в коллективные хозяйства. Неясно о каких районах — левобережных, входивших до 1940 г. в состав Молдавской АССР, или правобережных идет речь. На стр. 163 говорится о том, что в 20-е гг. республики существенно отличались друг от друга по степени активности избирателей, причем наиболее низкие показатели давали республики Средней Азии. Однако это положение не вполне согласуется с данными таблицы 5, помещенной на той же странице. Из нее следует, что активность избирателей Узбекистана и Белоруссии в 1926 году, например, была практически одинаковой: соответственно — 45,8 и 46,5% и в 1927 году — 46,8 и 46,3%.

В монографии, отражающей многие стороны формирования новой исторической общности — советский народ, по-видимому, неизбежны отдельные историографические упущения. Например, в главе VII (первый раздел) подчеркивается, что латинизация, «составляющая особый этап в развитии письменности народов СССР, сыграла положительную роль в культурном и социальном развитии многих народов нашей страны» (стр. 210—211). Представляется, что в оценке латинизации следовало бы проявить большую осторожность, так как в культурном развитии отдельных народов (молдавского народа, например) латинизация сыграла отрицательную роль, затруднив развитие молдавской национальной культуры и литературного языка молдавской нации.

В целом рецензируемая монография является не только фундаментальным исследованием, восполняющим известные пробелы в изучении истории советского народа, но и важным этапом в разработке проблем ленинской национальной политики.

М. Н. Губогло

М. С. Муканов. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, 200 стр.

На протяжении многих лет М. С. Муканов занимается изучением этнической истории отдельных племен, вошедших на рубеже XV—XVI вв. в состав казахского народа. Он автор ряда работ и соавтор крупного исследования по этой проблеме¹. Рассматриваемая монография является итогом его многолетнего труда.

Родо-племенной состав и расселение казахов — недостаточно исследованные разделы истории казахского народа. За последнее десятилетие проведено комплексное изучение проблемы этногенеза казахов историками, археологами, этнографами, лингвистами. Анализируются этнические компоненты, ставшие основой казахской народности и образовавшие три казахских жуза — Старший, Средний и Младший, являвшихся экономико-политическими объединениями различных родо-племенных групп. Изучается история племенных союзов и раннефеодальных государств. Получены новые данные о начальном этапе этногенеза казахов в дотюркское и тюркское время. Плодотворная работа по исследованию проблем этнической истории казахов в новейшее время нашла отражение и в рецензируемой книге.

Монография написана на основе тщательного, скрупулезного анализа огромного архивного материала и малоизвестных опубликованных источников. М. С. Муканов использовал данные арабских, персидских, китайских, западноевропейских авторов, труды востоковедов, сведения русских летописей, а также историческую литературу нашего времени. Особую ценность для исследователя представили его собственные полевые материалы, собранные им в экспедициях Отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР с 1955 по 1964 г.

М. С. Муканов ограничил свое исследование только одним казахским жузом, но в действительности круг вопросов, которые им затронуты и в известной мере решаются, гораздо шире. Книга по своему содержанию многопланова. В ней рассмотрена история происхождения всех трех казахских жузов, история образования казахской народности и казахских ханств.

В первой главе «Территория и племена Среднего жуза» изложение материала начато со второй половины XV в. Автор кратко рассказывает об истории государственных образований на территории Казахстана XIII—XIV вв. Однако этот истори-

¹ В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968.

ческий очерк недостаточен для раскрытия этнических процессов. В этом плане интересно рассмотреть теоретические положения, выдвинутые Т. А. Жданко в статье, посвященной специфике формирования этнических общностей в Средней Азии и Казахстане². Т. А. Жданко считает, что у многочисленных тюркоязычных кочевых народов этого региона первоначальные элементы этнической общности появились в средневековье (в IX—XII вв.), когда формировались основы их языков, этнические территории, этнографическая специфика хозяйства, образа жизни, быта. Этническое ядро казахской народности, по всей вероятности, сформировалось в XI—XII вв., в его основе лежали восточнокипчакские политические объединения, а завершающим этапом явился XVI в. М. С. Муканов акцентирует свое внимание в основном именно на XVI в., когда в результате совокупности экономических, социальных и военно-политических факторов обособились три группы племен и на их основе образовались объединения-жузы: Старший (в Семиречье), Младший (в Западном Казахстане) и Средний (в районе Сырдарьи, Северного, Восточного и Центрального Казахстана).

В этой главе целесообразно было бы уделить внимание вопросам об эволюции племени в эпоху феодализма и нового времени, трансформации социальной структуры племени, утере им кровнородственных связей и в то же время устойчивости некоторых родо-племенных традиций.

В исследовании подробно освещена этническая история племен, составивших Средний жуз: кереев, найманов, аргынов, кипчаков, конратов, уаков. Причем история каждого племени представляет собой материал для исследователя. Опираясь на различные источники и труды советских и зарубежных авторов, М. С. Муканов приходит к выводу о том, что керей и найманы — тюркские племена, и на их примере показывает длительный и сложный процесс миграций тюркских племен. Вследствие жестокой борьбы с союзом монгольских племен во главе с Чингисханом, керей и найманы вынуждены были оставить исконные места кочевья и переместиться далеко на запад, в степи Юго-Восточного, Центрального и Северного Казахстана.

Автор отмечает влияние на процесс складывания казахской народности ряда пришлых, в том числе монгольских, племен в результате вторжения татаро-монголов в Среднюю Азию и Казахстан. Так, конраты до начала XII в. входили в состав союза монгольских племен. Затем, в результате слияния с тюркскими родами, произошло их оформление в самостоятельное казахское племя.

В книге впервые глубоко и полно освещена этническая история одного из крупнейших казахских племен — аргын. В источниках это племя стало упоминаться лишь после монгольского завоевания. Автор считает, что новый племенной союз возник в период борьбы с татаро-монголами.

Племя уак появилось также в постмонгольский период, и автор устанавливает его родственную связь к кереем.

Уделяя большое внимание кипчакам, М. С. Муканов отмечает роль этого племени в этнической истории не только казахов, но и узбеков, каракалпаков, киргизов, народов Южного Урала и Алтая.

С началом присоединения Среднего жуза к России в 30-е годы XVIII в. автор связывает новый этап в этническом развитии казахской народности. В этот период, наряду с прогрессивными моментами в политической, экономической, общественной и культурной жизни казахского народа, действуют и факторы, замедляющие национальную консолидацию казахов, интеграцию в их составе обособленных родо-племенных групп. Это — колониальная политика царского правительства, устойчивость патриархально-феодалных пережитков и др. Автор подробно останавливается на указанных моментах. Как положительные факторы, способствовавшие дальнейшему прогрессивному развитию казахского общества, он рассматривает ликвидацию ханской власти в жузе, введение нового политико-административного деления, что способствовало прекращению междоусобиц.

Автор убедительно доказал, что реформы 1822—1891 гг., вводившие новое административное деление в казахской степи, узаконили за каждой волостью, аулом определенные территории обитания. Если до реформы нельзя было точно указать границы кочующих общин, то с введением областного, волостного и аульного деления появилась возможность локализовать размещение казахских родов по административным единицам. Автором создана ценная карта расселения казахских родов во второй половине XIX — начале XX в.

Существенным моментом, повлиявшим на размещение казахских родов, явилось переселенческое движение из центральных и сибирских губерний на территорию Казахстана и Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. Переселение крестьян, с точки зрения автора, объективно сыграло прогрессивную роль в жизни казахского общества. Оно сопровождалось изъятием у народов края, в том числе и у казахов, обширных земельных площадей, что нарушило веками сложившиеся традиционные пути кочевания, но одновременно привело к закреплению пастбищ за отдельными родами и усилило процесс оседания казахских хозяйств, способствовало сближению и взаимосвязям коренного и пришлого населения.

² Т. А. Жданко, Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.), «Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы», вып. 4, М., 1974, стр. 10—26.

Наряду с общей положительной оценкой книги М. С. Муканова следует указать также на отдельные упущения. Так, в историографическом обзоре изложение трудов академика В. В. Бартольда (стр. 21), на наш взгляд, следовало бы переместить в предыдущий раздел, где рассматривались труды буржуазных ученых.

Неясна позиция автора в определении времени образования трех казахских жузов — он относит его то к XV, то к XVI вв. (стр. 23, 26).

При описании территориальных границ Среднего жуза в XVIII—XIX вв. М. С. Муканов не использовал богатый картографический материал Центрального государственного военно-исторического архива СССР и Отдела карт Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Автором недооценен трехтомный труд по истории, этнографии, демографии и географии Среднего казахского жуза, составленный офицером Генерального штаба М. Красовским. Это ценное исследование построено на богатейших документальных источниках и личных наблюдениях. В то же время следовало бы отметить характер служебной деятельности М. Красовского, те предпосылки, которыми руководствовался исследователь, и особо остановиться на необходимости критической оценки документальной основы труда и методов исследования М. Красовского. В этом случае стало бы обоснованным отрицательное отношение М. С. Муканова к труду М. Красовского, который до сих пор привлекает внимание исследователей. К сожалению, читатель не найдет этого в рецензируемой монографии.

Во второй главе «Вхождение Среднего жуза в состав России и расселение казахских племен (вторая половина XVIII — середина XIX в.)» предыстория принятия русского подданства связывается только с борьбой казахов с Джунгарией. Автор не отметил сложившиеся в предшествующие века политические и экономические связи этого района с Россией, взаимную заинтересованность в объединении.

Статистические таблицы, которые должны были отразить динамику демографических процессов в Казахстане, не соответствуют этой задаче. Не все таблицы датированы и связаны с текстом, структура их не идентична. Специфика статистических источников, касающихся кочевых народов, требует при составлении таблиц привлечения и тщательного анализа целого комплекса документов. Автор же в ряде случаев разрабатывает таблицы, основываясь на единственном документе, без сопоставления его с другими источниками и разъяснения степени его достоверности, что ставит под сомнение полученные статистические результаты о населении жуза в XIX — начале XX в. В то же время те таблицы, которые отражают волостную систему, аналогичную родовой внутри округов, с указанием географии зимних и летних мест кочевков, представляют большой интерес.

Вызывает сожаление и то, что М. С. Муканов не привел развернутых родовых схем для всех изучаемых казахских племен. Богатый материал монографии давал возможность это сделать не только для конратов и кипчаков. Публикация подробных родовых схем, подобных тем, что уже опубликованы башкирскими, узбекскими, киргизскими учеными, позволила бы доскональнее разобраться в этнической истории казахских племен; они важны при разработке вопросов этногенеза.

В целом рецензируемая книга представляет, несомненно, большой научный и практический интерес. Автор поставил перед собой задачу изучения казахов Среднего жуза не только в этнографическом аспекте, но и в демографическом, и в основном эта задача решена им успешно. Все разделы книги по содержанию тесно связаны между собой, создавая целостную картину этнической истории казахов Среднего жуза в дореволюционный период.

В. Я. Басун, Н. Е. Бекмаханова

Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.). Рота-принт. Душанбе, 1974, 195 стр.

Ходжент (Ленинабад), крупный торговый и промышленный центр Востока, расположен в горловине Ферганской долины на перекрестке древнейших караванных путей. По числу ремесленных организаций этот город считался одним из крупнейших в Средней Азии. Еще в начале XX в. 40% его населения было занято в 103 отраслях ремесленного производства. Особенно славился Ходжент ткачеством. Здесь вырабатывалось 60 видов тканей — от простой бязи до высокосортных полущелковых и шелковых материй. Одних гладких, полосатых, клетчатых или абровых канаусов местной выделки было известно более 20 сортов. Ходжентские нарядные ткани вывозились не только в различные области Средней Азии и Казахстана, но и в Сибирь, Европейскую Россию, на Кавказ, в Иран и Афганистан.

Изучению богатой своими традициями ткацкой промышленности этого древнего города посвятил исследование уроженец Ходжента Назиржон Турсунов.